

Страсти по Гоголю

Тертые души

Роза Мительман

Роза Мительман

Тертые души. Страсти по Гоголю

«Издательские решения»

Мительман Р.

Тертые души. Страсти по Гоголю / Р. Мительман —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963261-6

Сколько лет прошло после написания «Мертвых душ» Гоголем, но герои его живы и поныне. Причем Чичиков, Ноздрев и Плюшкин могут уместиться в одном человеке. Гоголь ожидал, что в далеком и светлом будущем его герои встанут на путь исправления. Но этого не произошло. Их путь, по-прежнему, душевная деградация и умирание человеческого в человеке. Наш герой — «тертый калач» в политике и бизнесе. Но душа его давно мертва, а сам он мошенник, мерзавец и авантюрист. Как живет Чичикову наших дней?

ISBN 978-5-44-963261-6

© Мительман Р.
© Издательские решения

Содержание

Панночка помэрла	7
Сон в руку	9
Манилов. Слащавый паразит	11
Дубинноголовая Коробочка	13
Безалаберный панибрат Ноздрев	14
Твердолобый обжора Собакевич	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тертые души Страсти по Гоголю

Роза Мительман

Все истории вымышлены. Совпадения с реальными людьми или событиями случайны

Фото: freestockimages.ru

© Роза Мительман, 2019

ISBN 978-5-4496-3261-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*.....Но где твои герои?
Все живы ли, иль, небо прокоптив,
В углах медвежьих сгнили на покое
Под сенью благостной крестьянских тучных нив?
Живут... И как живут! Ты, встав сейчас из гроба,
Ни одного из них, наверно, б не узнал:
Павлуша Чичиков – сановная особа
И в интендантстве патриотом стал —*

*На мертвых души портянки поставляет
(Живым они, пожалуй, ни к чему),
Манилов в Третьей Думе заседает
И в председатели был избран... по уму.
Петрушка сдуру сделался поэтом
И что-то мажет в «Золотом руне»,
Ноздрев пошел в охранное – и в этом
Нашел свое призвание вполне...*

Саша Черный, «Смех сквозь слезы», 1909

Панночка помэрла

*– Подымите мне веки: не вижу! – сказал подземным голосом Вий –
и все сонмище кинулось подымать ему веки.*
Гоголь. Вий

Лежа на очередной музе, Сруль Мителкин, вспоминал ушедшую любимую. Стихи так и лезли сами в голову, но рифма не складывалась. А ведь он обещал выпустить диск ее памяти. Как всякий поэт, Сруль не мог без вдохновенья. Старый ловелас искал его в очередном молодом теле... Но все не то, не то! Только любимая могла встать в такие позы, на которые отзывался его вялый талант. И в шпагате, и стоя на голове с раздвинутыми ногами, и на лыжах, и на сапе. Такая профессионалка была! Не на заочке науку подъема старых импотентов проходила. Очно! И практика большая была. Где такую снова найти? Как ему теперь диск ее памяти закончить, если вдохновение не встает?

Приходится снова и снова перебирать кандидаток. Благо, деньги есть, так что предложение опережает спрос. Но ведь неловко как-то на людях с новыми музами появляться. Имидж убитого горем возлюбленного надо блюсти! Уж и к старухе ведьме сходил. Спросить, когда можно из траура выходить. А она и говорит:

– Чахнешь ты, милый, без свежей крови, вон как осунулся. Ты ж вампир! Панночка помэрла. Не вернуть. Скорей новую находи. А то сдохнешь! Эту высосал до капли, теперь очередную смертницу ищи. А то тебе хана!»

– Хана? – вздрогнул Сруль, – может мне к Хане вернуться, к бывшей жене?

– Да кто тебя туда пустит? Хана с тобой едва жива осталась! Вовремя вырвалась, расцвела, помолодела, живет в свое удовольствие. Поняла, что от вампира избавилась, теперь обратно ты ее не заманишь. За деньги новую ищи, да помоложе. Справку о здоровье спроси, чтобы кровь свежая. Панночка предыдущая уж больно потасканная была. Вот и кончилась

быстро. Ты вампир или где? Должен кровь с молоком за версту чувствовать, а все полудохлых выбираешь...

...Господи, за что мне эти муки, подумал Сруль, слез с уснувшей музы и пошел на кухню за шоколадкой. Вернулся весь в коричневых крошках, застрявших в волосатой груди, но довольный. Сочинил-таки пару стишков при свете холодильника. Теперь три аккорда осталось придумать и «Погнали!»...

Проснувшаяся муза округлила глаза, увидев, как абсолютно голый Сруль сидел с гитарой на подоконнике, смотрел на луну и выл грустную песню... «Артист погорелого театра, что еще ждать от старого дебила?», – вздохнула муза, но, унюхав запах подаренных им вчера духов, зазывно улыбнулась поэту. «Это надо ж так деньги любить!», – подумал Сруль, посмотрев на нее, а потом на свое отражение в ночном окне: обвисшие веки, второй подбородок, дряблый живот. «Ты великий артист, – пролепетала муза, а про себя добавила – «Вия спокойно мог бы в театре сыграть!»

Сон в руку

«И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы».

Гоголь

С детства Сруль Мителкин мечтал стать великим Артистом. Да таланту маловато было, скорых денег не предвиделось, и жена была против. Пришлось пожертвовать собой ради семьи. Как завещали великие предки с ортодоксальной родины: «деньги и семья – это главное».

Так и осталась несбывшейся мечта. И видно не у него одного. Много таких несостоявшихся артистов оказалось в губернском городе С. Особенно в сфере чиновничьей и деловой элиты. И задумали они ставить спектакли и сами в них играть! По жизни-то все артисты. Не разберешь, где лицо, где маска, роли только успевают менять. То благодетель, то спаситель человечества, то циничный развратник, а то уже одинокий узник. Талант так отточили, что поняли, нужна самореализация, и сцена по ним плачет.

Идея конечно не нова. Как говорил руководитель народного театра из культового фильма, «Актер должен где-то работать. Нехорошо, если он целый день, понимаете, болтается в театре!»

Билеты дорогими сделали, вроде как на детей собирают. Ну, все мы чьи-то дети, в конце концов. Главное не в этом, а в том, что сцена зовет. Однако желающих оказалось больше, чем ролей. Да и поглавнее персонажа всем хотелось сыграть. Начались интриги, то да се. Привыкли к подковерной борьбе. Одних ставят, потом по звонку убирают. Кто-то денег даст больше, чем другой, а играть не умеет. Зритель потом страдай. Так и хочется половине артистов крикнуть «Вон из искусства!»

Сруль тоже страдал за искусство и за свой непризнанный талант. Но, как говорится, и хочется, и колется. Деньгами всех перешибет, а государственная должность обязывала быть серьезным. Что за клоун такой, скажут, законы пишет? Так размышлял наш герой, крутясь и вздыхая в постели. Покряхтел, побухтел, да уснул.

И снится ему сон, что руководитель народного театра толкает речь:

– Кого мы только не играли в своих коллективах! Лучше не вспоминать. Не пора ли, друзья мои, нам замахнуться на Николая, понимаете, нашего Гоголя?

– И замахнёмся! А что? Мертвые души ко всему готовы! – хором ответили чиновники.

И вот уже видит Сруль сцену и знакомых со школы персонажей. Да только что-то странно знакомое есть и в актерах. Пригляделся – ба! Такое он и представить не мог... Никак все роли ему, любимому, достались? И действие спектакля будто вокруг его жизни крутится.

Тут ему симпатичная ассистентка подсказывает, дескать, и режиссер тоже вы, Сруль Ааронович! Пробы в театре идут. Только выбирать нужно не актеров, а персонажей. Какой удостоится чести быть сыгранным великим Артистом? Какое амплуа ближе к сердцу придется, такое и будет у Мителкина в спектакле. Уселся Сруль поудобнее в кресло и стал выбирать.

Манилов. Слащавый паразит

«В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: „Какой приятный и добрый человек!“ В следующую ничего не скажешь, а в третью скажешь: „Черт знает что такое!“ – и отойдешь подальше!..»

Первым претендентом стал Манилов. Похож! Глаза сладкие, как сахар, взгляд мечтательный, разговор обходительный. Дом свой «храмом уединенного размышления» называет. Мечтает, как они вместе с Чичиковым приедут в какое-то общество в хороших каретах, где обворожат всех приятностью обращения. И государь, узнавши о такой дружбе, пожалует их генералами...

Да, неплохо бы, усмехнулся Сруль. В мечтах о высоком ему роль Манилова была близка. Вот только дом у помещика какой-то неказистый, стоит на юру, открыт всем ветрам. То ли дело Мителкин себе дач настроил! Сначала одну, потом вторую, третью, четвертую...

Первый, еще советский, «сад» почти даром обошелся. Кого кормили, кого поили, кого в постель тащили. Малярша, правда, гонореей заразила. Но это полбеда, он не брезгливый. Главное – жена потом грузчиком заставила работать, грехи замаливать. Его, Артиста!

Следующие дачи уже строил, будучи при должностях. Здесь прихватизирует базу отдыха, там от санатория кусок урвет. Вспомнил, как с дружками земли из федеральной собственности в частную переводили, да покупали за бесценок участки. Если садоводы попадались по пути, вышвыривали. А себе «храмы уединенного размышления» строили...

Все мог Мителкин себе позволить. Дом у озера – пожалуйста! Дом у горнолыжного курорта – извольте! С последним пришлось повозиться, пролоббировать кое-какие поправки к законам. Зато получил услуги имущественного характера. Правда за взятки еще и срок получить можно. Но, как говорится, наш герой был вынужден заниматься коррупцией по причине жадности непреодолимой силы... И вообще, от той взятки, на которой тебя поймали, можно откупиться из тех взяток, за которые тебя не поймали. Механизмы отлажены.

Дубинноголовая Коробочка

«... Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь, а мертвые души они большие как-нибудь стоят... лучше эс я маненько повременю, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам...»

Пока Сруль предавался воспоминаниям, Коробочка, коллежская секретарша, на сцене появилась. Поморщился наш герой, узнав в толстой, крепколобой бабе – себя. Да на что уж обижаться? Сходство несомненное! Хозяйство держит под контролем. Чуть что – в суд. Заседателей «подмастывает». Скупая, бережливая, хлам всякий собирает. Прибедняться да торговаться любит.

Словом, «...одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов...»

Уж сколько Сруль за свою жизнь собрал денежных мешочков, да халявных земель, никакой Коробочке не снилось! Часть добра по разным комодам попрятал, на кого записал, сам черт не разберет. А основную часть денег заставил работать. Придумал он скупочные магазины открыть, да под залог добра денежные ссуды давать. Потянулся к нему народ, попавший в беду, понес отложенное на черный день. Кто-то выкупит потом с процентами – Сруль в прибыли. Кто-то не выкупит, Мителкину снова хорошо. Покупал задешево, а продаст задорого.

И почему только ростовщичество лихоимством в старину называлось и грехом считалось? Говорили, что ростовщик богатеет, отдавая взамен богатство своей души. Мителкину это не грозило, душа его давно умерла. Так что наживать на несчастье других ему совсем не стыдно было.

Безалаберный панибрат Ноздрев

Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины ... Такую же странную страсть имел и Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходил, тому он скорее всех насаливал... и вовсе не почитал себя вашим неприятелем; напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вечно по-дружески и даже говорил: «Ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь».

Тем временем, сцена сменилась, и на подмостки ворвался Ноздрев. «Ну, это уж точно не моя роль! – поджал губы Сруль. – Скорее на сына моего похож... Иудушка – красавчик и повеса. Любителю деньги занять и не отдать! Мать родную за элитную квартиру продал. Никого не пожалеет ради своих прихотей. Все хочет показаться круче и богаче, чем на самом деле. „Исторический“ человек. Вечно на слуху со своими дорогими пассиями, ладно хоть теперь его Веревкина окрутила, женился и поутих немного. Плодятся и размножаются. Правда, и долги у них плодятся как кролики».

Заядлый гуляка Ноздрев, тем временем, кричал со сцены: «Как покутили мы в первые дни!.. Эх, братец, как покутили!... Уж так покутили!.. После нас приехал какой-то князь, послал в лавку за шампанским, нет ни одной бутылки во всем городе...».

Ну, разве ж это про Сруля? Он бы так тратиться не стал. Уж если кутить, то на халяву! Даже дареный алкоголь не пил, подписывал бутылки, чтоб знать от кого, и передавал нужным людям.

А вот как про балы Ноздрев заговорил, Сруль себя узнал. Блистать, да волочиться за всеми подряд – это его! Как приятно с невинным взглядом прижать какую-нибудь дамочку во время танца, чтоб почувствовала его мужское естество. Потискать в уголке, распушить свои шаловливые ручонки, залезть к ней под юбку, а то и в постель.

А потом грустно вздыхать: «Извини, дорогая, женат навеки. Но, если б не это досадное обстоятельство, остался бы с тобой». Напьется крови и бежать! Только не к жене, а к новым приключениям, новым жертвам. От Ханы доставалось, конечно, на орехи, но Сруль только разводил руками: «Один есть у меня недостаток – я бабник. Люблю только тебя. Остальное просто секс, ничего личного!»

Тем временем, на сцене Ноздрев обжурничал Чичикова в шашки. Рассмеялся Сруль. Проделки ноздревские ему нравились. Соврать, обвести вокруг пальца или просто ближнему нагадить – это он и сам любил. То отобьет девушку у друга для интереса, то расстроит торговую сделку, то оговорит кого-нибудь, то кинет партнера. А главное, как и Ноздрев, Сруль после всех своих проделок, без зазрения совести продолжал считать себя товарищем пострадавших.

Твердолобый обжора Собакевич

«Казалось, в этом теле совсем не было души или она у него была, но вовсе не там, где следует, а как у бессмертного Коцея где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности».

Следующим пожаловал на сцену Собакевич. «Неладно скроен, да крепко сшит!» – подумал Мителкин. А, когда выкатили на сцену большой стол с яствами, Сруль почувствовал, что проголодался. Открылась «яма желудка», над которой так посмеивались приятели на совместных застольях. Увидев халявную еду, Сруль начинал поглощать все подряд. И столько съедал и выпивал, что дома загибался от колик, порой прямо в туалете и засыпал. Здоровье-то никакое, в отличие от Собакевича. И желтуха, и гастрит, и желчный пузырь. Хану заставлял диетическое дома готовить. Но перед халявой не мог устоять. И, оклемавшись, через неделю уже снова спешил на очередную бесплатную вип-кормежку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.